

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-757-773>

EDN: DONVUW

Научная статья / Research Article

Теория моральных санкций Иеремии Бентама

А.В. Прокофьев

Институт философии РАН,

Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

 avprok2006@mail.ru

Аннотация. Реконструированы содержание и динамика изменения теории санкций И. Бентама и проанализирована ее роль в формировании современных представлений о механизмах морального регулирования поведения. В трактате «Введение в основания нравственности и законодательства» Бентам называет санкцией тот или иной вид страданий или удовольствий, придающий обязательность правилу или закону, и выделяет четыре санкции: физическую, политическую, общественную, или нравственную, и религиозную. Обсуждая третью санкцию, он отождествляет ее базовый мотив с «любовью к репутации». В отличие от такого мотива как «благодарность», «любовь к репутации» имеет ряд недостатков как в отношении простой эффективности (соответствия вдохновляемых ею поступков с поддерживаемым правилом или законом), так и в отношении содействия наибольшему счастью наибольшего количества людей. И лишь развитие цивилизации смягчает эти недостатки. В «Деонтологии» к четырем санкциям добавляются еще две: симпатическая (страдание агента, вызванное страданием другого человека) и ретрибутивная (причинение пострадавшим лицом ущерба своему обидчику). Другая особенность «Деонтологии» — обсуждение возможностей мыслителя-деонтолога повлиять на характер общественных, нравственных, санкций, действующих в его обществе. В современной этической теории под моральными (нравственными) санкциями понимают либо общественное осуждение нарушителя, либо его самоосуждение в форме вины или угрызений совести. Бентам являлся важнейшей фигурой в формировании первого понимания моральных (нравственных) санкций, однако, если учитывать его дополненную типологию, он внес вклад и в формирование второго. Санкция в виде «страдания симпатии», если его испытывает нарушитель нравственной нормы, и оно вызвано страданием его жертв, хотя и не тождественна вине, но представляет собой внутренний, не зависящий от общественного осуждения феномен.

Ключевые слова: мораль, этика, утилитаризм, репутация, общественное мнение, моралист, деонтолог

История статьи:

Статья поступила 01.12.2022

Статья принята к публикации 01.06.2023

© Михель Д.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Прокофьев А.В. Теория моральных санкций Иеремии Бентама // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 3. С. 757—773. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-757-773>

Jeremy Bentham's Theory of Moral Sanctions

Andrey V. Prokofyev

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Bd. 1, 12 Goncharnaya St., 109240, Moscow, Russian Federation
avprok2006@mail.ru

Abstract. The study deals with the content and transformations of Jeremy Bentham's theory of sanctions and its role in the development of the contemporary understanding of how moral regulation works. In *An Introduction to the principles of morals and legislation*, Bentham defines sanction as a type of pleasure and pain that gives the binding force to some law or rule and mentions four sanctions: physical, political, popular, or moral, and religious. The popular, or moral, sanction rests on such a motive as 'the love of reputation'. Unlike the motive of 'goodwill', 'the love of reputation' has some drawbacks that lessen its general efficiency and its contribution to the fulfillment of the principle of utility. Though the development of civilization makes them less dangerous. In the *Deontology*, two more sanctions were added: sympathetic (the pain generated by the contemplation of the pain suffered by a fellow creature) and retributive (the pain caused to a perpetrator by retaliatory actions of his/her immediate victim). The renewed typology of sanctions is discussed by Bentham in the context of the activity of a moralist, or a deontologist. There are two main interpretations of moral sanctions in the contemporary ethics: 'the moral sanction as a public condemnation of a perpetrator' and 'the moral sanction as a self-condemnation of a perpetrator (his/her feeling of guilt, pricks of conscience)'. Bentham was a major figure in the development of the first interpretation. However, his extended typology contributed to the development of the second. Bentham's sympathetic sanction in the case of 'pains of sympathy' that experienced by a perpetrator and caused him/her by pains of his/her victims is not identical to a guilt-feeling but can work without a public condemnation.

Keywords: morality, ethics, utilitarianism, reputation, public opinion, moralist, deontologist

Article history:

The article was submitted on 01.12.2022

The article was accepted on 01.06.2023

For citation: Prokofyev AV. Jeremy Bentham's Theory of Moral Sanctions. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(3):757—773. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-757-773>

Введение

Во многих современных исследованиях природы морали одним из важных ее отличительных свойств оказывается специфика санкций. Моральные (нравственные) санкции определяются теоретиками как идеальные и преимущественно внутренние, в отличие от правовых, которым

приписывается материальный и строго внешний характер. В социологической перспективе мораль в связи с этим воспринимается как такое средство социального регулирования, которое проникает глубже, чем право и обычай — в самые истоки поведения членов общества, в область мотивов и черт характера индивидуальных агентов. В этической перспективе это свойство служит скорее признаком того, что в отличие от права и обычая мораль представляет собой сферу свободного самоограничения и свободного самосовершенствования (свобода обеспечивается отсутствием или минимальностью внешних воздействий). К этому пониманию морали и моральных (нравственных) санкций привел длительный исторический процесс, затронувший разные науки, изучающие моральный опыт. Он был реконструирован недавно в виде пунктирного очерка [1].

В данном исследовании предпринята попытка выявить роль воззрений конкретного мыслителя, английского утилитариста Иеремии Бентама, в упомянутом выше процессе осмысления феномена моральных санкций. Так как Бентам считал, что моральные (в русском переводе одного из трактатов Бентама — «нравственные») санкции занимают вполне определенную нишу внутри системы санкционных механизмов, регулирующих человеческое поведение, то для выявления природы и специфики моральных (нравственных) санкций требуется анализ бентамовского понимания всей этой системы. Кроме того, следует учитывать, что на формирование предмета современных споров по проблеме моральных (нравственных) санкций повлияло не только то, что Бентам писал непосредственно об этом типе санкций, но и о других типах. Это также заставляет удерживать более широкую перспективу исследования. Так как представление Бентама о санкциях менялось с течением времени, то в статье прослежена динамика этих изменений на основе сравнительного анализа двух трактатов: «Введения в основания нравственности и законодательства» (первое издание — 1789 г.) и воссозданной на основе рукописей «Деонтологии» (начало работы над трактатом — 1814 г, первое посмертное издание — 1834 г., современная версия сборки текста — 1983 г.) [2; 3]. В первой части статьи представлена типология санкций из «Введения...», во второй — изменения, внесенные в нее в поздний период творчества Бентама. Бентамовская теория санкций получила на настоящий момент раскрытие в нескольких специальных статьях, посвященных санкциям в утилитаризме в целом [4, 5], и в небольших по объему параграфах книг по этике, политической философии и философии права Бентама [6. Р. 35—36; 7. Р. 199—209; 8. Р. 36—39; 9. Р. 200—203]. Однако в данной статье она подвергается более подробному и теоретически контекстуализированному изучению.

Теория санкций во «Введении в основания нравственности и законодательства»

а) исходная типология

Бентам подразумевает под санкциями те удовольствия и страдания, которые поддерживают процесс нормативного регулирования поведения

человека. В тексте трактата содержатся два определения санкции: этимологическое («вещь, которая служит для того, чтобы обязывать человека, а именно — соблюдать тот или иной способ поведения») и концептуальное («удовольствие и страдание... способное давать обязательную силу какому-нибудь закону или правилу поведения») [2. С. 35]. Санкции смещают гедонистический баланс потерь и приобретений агента в сторону исполнения «закона или правила». Агент, знающий об этом балансе, ведет себя сообразно норме.

Типология санкций, используемая во «Введении...» включает в себя четыре ниши: «физические», «политические», «нравственные (общественные)», «религиозные» (Дж. Криминс возводит родословную четырехчастной типологии санкций к Дж. Локку и Дж. Гэю [10. Р. 53], Р. Крисп прямо утверждает ее родство только с типологией обязанностей Дж. Гэя, а о возможном сходстве с типологией законов Дж. Локка лишь упоминает [9. Р. 57, 188]). Наличие первой ниши показывает, что для Бентама участие воли сознательных существ в доставлении удовольствий или причинении страданий, поддерживающих соблюдение «закона или правила», не является существенным признаком санкции. Физическая санкция осуществляется «по естественному ходу природы» [2. С. 36].

Однако этот ход не совсем «спонтанен», поскольку инициирован самим агентом, нарушающим «закон или правило». Так, сопряженное с физической санкцией страдание является не просто «бедствием», а своего рода «наказанием», поскольку агент испытывает его из-за проявленного им же самим неблагоразумия [2. С. 38].

В остальных случаях санкции предполагают, что страдание нарушителей и удовольствие законопослушных людей «исходят или ожидаются» от обладающих сознанием существ. В случае политической санкции это будет судья, распределяющий страдания и удовольствия «согласно с волей государя или высшей правительственной власти в государстве». В случае религиозной санкции — «Высшее существо» или «Провидение». В случае нравственной, или общественной — «случайные лица в обществе, к которым сторона, о которой идет речь, может иметь отношение в течение своей жизни» [2. С. 36—37].

Для истории этики ключевое значение имеет бентамовское понимание специфики нравственных, или общественных, санкций. В третьей главе «Введения...», задающей общие контуры теории санкций Бентама, утверждается, что задействованные в наложении этих санкций лица не только «случайны», то есть не являются официальными уполномоченными власти, но и действуют по «свободному расположению», то есть инициативно и без готовых алгоритмов («установленных или принятых с общего согласия правил») [2. С. 36].

Многие теоретики более позднего времени пытались отграничить нравственные санкции от любых мер, связанных с применением к нарушителю физической силы или лишением его материальных благ. Бентам этого не

делает. Несмотря на то, что он обосновывает второе обозначение нравственных санкций — «общественные» (в английском тексте «popular») — их связью с властью «общественного мнения», а мнение, взятое само по себе, отличается от физического или материального воздействия на оцениваемое лицо, по тексту трактата видно, что это отличие не является для Бентама фундаментальным [2. С. 37; 11. Р. 35]. Он подчеркивает, что и политические, и нравственные санкции опираются на физическую санкцию и даже включают ее в себя на обязательной основе [2. С. 39]. Здесь, конечно, речь не идет об обязательном физическом воздействии на нарушителя. Имеется в виду всего лишь опора санкций на «силы природы» в широком смысле этого слова. Какая-то часть этих сил относится к воздействию на поведение нарушителя самих по себе оценок окружающих. Однако характер рассуждения отчетливо показывает, что вопрос о качественном различии физического и нефизического воздействия на нарушителя во «Введении...» не стоит.

Примеры наложения нравственных санкций подтверждают это. Они не включают в себя случаев применения к нарушителю физической силы, но имеют вполне очевидную материальную составляющую. Иллюстрируя в третьей главе «наказание нравственной санкции», Бентам дважды упоминает отказ окружающих в помощи тому человеку, который не отвечает нравственным стандартам общества (отличается «дурным поведением», подозревается в «дурном поведении», вызывает нелюбовь к своему «нравственному характеру») [2. С. 38].

б) механизм нравственных санкций

Бентамовскую теорию санкций в целом и ее часть, касающуюся нравственных санкций, можно достроить на основе анализа тех фрагментов «Введения...», которые, в отличие от третьей главы трактата, посвящены другим проблемам (исследованию удовольствия, намерений, мотивов и т.д.) Обращение к этим фрагментам позволяет найти ответы на несколько центральных вопросов.

Первый из них: как работает нравственная санкция? По прямому утверждению Бентама, главным элементом ее механизма служит такое явление, как репутация: «удовольствия нравственной санкции» тождественны «удовольствиями хорошей репутации» [2. С. 48]. Для получения этих удовольствий надо быть уверенным в том, что ты «владеешь расположением окружающих... людей», их «любовью и уважением» и как следствие — «можешь рассчитывать на выгоду их добровольных и даровых услуг» [2. С. 48]. «Страдания нравственной санкции», в свою очередь, тождественны «страданиям дурной репутации», или «бесчестья». Их переживают те, кто «подвержены или могут быть подвержены недоброжелательству окружающих... людей» [2. С. 53—54].

Страдания от потери репутации неоднородны, что подметил еще Аристотель. Они включают в себя страдания от самого по себе бесчестья (знания о том, что о тебе думают люди) и от его прагматических последствий

(поведения людей, основанного на том, что они о тебе думают) [12. С. 84]. То же самое касается и удовольствий репутации. Однако Бентам обсуждает оба момента на одном дыхании, разница для него несущественна. Зато он обращает внимание на другое разграничение. «Неприязнь и неуважение» к агенту со стороны окружающих могут выражаться как в отказе от оказания ему услуг («страдании лишения»), так и в том, что они «делают ему определенное зло» («положительном страдании») [2. С. 54]. Соответственно, дополнением к тому, что мы знаем о нравственных санкциях из третьей главы, будет то, что их материальным выражением вполне может служить и прямой физический ущерб нарушителю. Воздействие нравственной санкции имеет, по Бентаму, кумулятивный характер. Оно зависит от количества осуждающих или одобряющих действие агента людей («негодование... тем страшнее, чем больше число лиц, его разделяющих; оно... тем менее страшно, чем меньше это число») [2. С. 187].

в) эффективность нравственных санкций

Второй вопрос: насколько эффективно действие нравственной санкции? Ее эффективность (efficacy, в русском переводе — «действительная сила») Бентам специально отграничивает от того, насколько результаты действия нравственной санкции совпадают с теми, которые получили бы одобрение в свете принципа полезности. В качестве эталона эффективности Бентам избирает мотив благосклонности (good-will), поскольку «требования этого... мотива будут действовать одинаково сильно и тайне, и публично, независимо от того, можно ли будет ожидать, что рекомендуемое ими поведение будет известно или нет». Сравнение показывает, что «требования любви к репутации будут совпадать с требованиями благосклонности [здесь уже benevolence, — А.П.] только в той мере, в какой имеется вероятность, что поведение человека будет известно» [2. С. 149—150; 11. Р. 118—119]. То же самое касается соблюдения других требований, которые поддерживает нравственная санкция: внутренняя убежденность — более надежная их опора.

Хотя Бентам указывает на это обстоятельство, он не считает его решающим. Тому есть несколько причин. Прежде всего Бентам замечает, что у нарушителей «закона или правила» всегда остается неуверенность в том, сохранится ли их девиантное поведение в тайне. Кроме того, он утверждает, что, так как в сфере морали, в отличие от области права, не действуют строгие стандарты, относящиеся к подтверждению факта нарушения, то нарушителю приходится учитывать не только достоверное знание других людей о его проступке, но и то, что у них могут возникнуть простые подозрения, что проступок был совершен (такие подозрения приводят к практически тем же неблагоприятным последствиям, что и достоверное знание). Наконец, Бентам уверен, что чувствительные к чужому мнению люди опасаются формирования у них привычки к совершению предосудительных проступков, поскольку постоянное привычное их совершение грозит тем, что какие-то из них уже не останутся неизвестными для окружающих [2. С. 150].

Еще одним потенциальным ограничителем эффективности нравственных санкций является то, что лежащий в их основе мотив любви к репутации не отличается от других мотивов в том, что в зависимости от характера ситуации он подталкивает не только к сообразному с нормой, но и к противоречащему ей поведению: «От одного и того же мотива... могут происходить действия хорошие, действия дурные и действия безразличные» [2. С. 125].

Способы поддержания репутации, или уважения других людей, могут быть разными, некоторые из них противоречат тем нормам, которые поддерживают нравственные санкции. Так, среди примеров безнравственных действий, которые являются результатом стремления к «удовольствиям, принадлежащим к нравственной санкции», Бентам упоминает следующий поступок: «Чтобы получить значительный пост и тем увеличить уважение к себе публики, вы подкупаете избирателей... или власть» [2. С. 135]. Для того, чтобы уважение публики в этом случае действительно выросло, необходимы некоторые дополнительные обстоятельства. Или публика должна не знать о подкупе (обсуждение фактора незнания см. выше), или же для нее должна потерять свое значение связь между обретением «значительного поста» и соблюдением честной процедуры его получения. Такие обстоятельства не являются невозможными или редкими, поэтому нравственная санкция довольно легко начинает работать против самой себя.

На эффективность нравственной санкции влияет не только отсутствие неразрывной связи между репутацией и действительным характером поведения агента, но и всегда сохраняющийся простор для интерпретации мотивов агента окружающими людьми. «Каждый человек, — пишет Бентам, — старается приписать поведение всякого другого человека наименее похвальному из мотивов, которые могли бы объяснять это поведение; далее, когда он сделал тут все, что возможно, и не в состоянии столкнуть индивидуальный мотив еще ниже, он поворачивает батарею и нападает на самый разряд этого мотива» [2. С. 165]. Соответственно, агент, который чувствителен к удовольствию от сохранения и к страданию от потери репутации, но знает о тенденции окружающих толковать его мотивы не в его пользу, будет менее склонен к совершению поступков, требующих от него приносить какие-то жертвы ради других людей. Пример Бентама: «С целью приобрести расположение публики вы употребляете значительную сумму денег на дело частной благотворительности или общественной пользы». К этой публике принадлежат не только друзья, но и недруги. Они, по Бентаму, неизбежно будут «бросать на вас тень» и упрекать даже не просто в стремлении приобрести (купить) уважение, а в «хвастовстве» [2. С. 135]. Эта перспектива демотивирует потенциальных благотворителей, то есть блокирует работу нравственной санкции.

г) нравственные санкции и принцип полезности

Третий вопрос: насколько общее направление, в котором действуют нравственные санкции, соответствует принципу полезности? Бентам отдает

себе отчет в том, что в отличие от мотива «благосклонности», или «доброй воли», мотив «любви к репутации» в этом отношении более уязвим. Конечно, «добрая воля» (good-will) тоже может уклоняться от подлинного (утилитаристского) содержания морали: она может быть партикулярной, может использовать иной стандарт выявления блага другого, кроме его удовольствия и страдания, может не допускать межличностного суммирования счастья и т.д. Но ее общая интенция очень близка к принципу полезности, что позволяет Бентаму именовать связанный с нею мотив «чисто общественным». Любовь к репутации, в свою очередь, получает название «полуобщественного» мотива, поскольку в нем сильна личная составляющая [2. С. 147]. «Полуобщественный» характер любви к репутации пересекается с другой особенностью нравственных санкций, и это делает потенциальное уклонение результатов их действия от принципа полезности довольно существенным. Имеется в виду то обстоятельство, что «люди в... своих расположениях одобрять или порицать известные способы поведения... не управляются исключительно принципом полезности; иногда ими руководит принцип аскетизма, иногда принцип симпатии и антипатии [к тем или иным формам поведения — А.П.]» [2. С. 149]. Именно поэтому в цель агента, ориентированного на репутацию, может превратиться и убийство обидчика на дуэли, и вовлечение королевства в кровопролитную войну ради обретения имени завоевателя.

Бентам не считает тенденцию к уклонению «требований нравственной санкции» от принципа полезности фатальной. Социальные системы, по его мнению, так устроены, что одобрение и порицание членами общества поступков их собратьев не может всерьез противоречить общественной пользе (это, во всяком случае, свойственно «нациям, находящимся в состоянии сносной цивилизации»). А если взять общую тенденцию развития человечества, то можно утверждать, что принцип полезности все больше и больше укореняется в культуре и институциональном устройстве обществ. В итоге «требования нравственной санкции» не только сами приближаются к требованиям принципа полезности, но и сближают с ними «требования религиозной санкции» [2. С. 153] (на основе разных работ Бентама исследователи реконструировали более сложную картину соотношения принципа полезности и «нравственных санкций», чем та которая содержится во «Введении...»; в ней есть место и для устойчивых расхождений между ними [13. Р. 179—181] и для учета особенностей общественного мнения разных обществ законодателем-утилитаристом [14]).

д) расширение набора санкций

Четвертый вопрос: является ли четырехчастная типология санкций исчерпывающей? Если анализировать само по себе употребление термина «санкция», то во «Введении...» расширения их набора не происходит. Есть лишь одно примечательное исключение. Обсуждая ослабление мотивов, удерживающих людей от грабежа, Бентам упоминает мотивы, относящиеся ко всем четырем санкциям: самосохранение — в связи политической

санкцией, страх стыда — в связи с нравственной, страх Божьего недовольства — в связи с религиозной, а также «мотив благосклонности, который действует как ветвь физической санкции». В примечании он разъясняет, что в последнем случае имеет в виду то «страдание, какое испытывает человек, когда бывает свидетелем или узнает другим образом о страдании другого человека; в особенности, когда причина этих страданий он сам, — одним словом, страдание симпатии» [2. С. 187].

То, что Бентам начинает применять термин «санкция» к «мотиву благосклонности» и «страданиям симпатии», неудивительно. Если взять тот смысл, который Бентам придает термину «санкция»: подкрепление соответствующей норме поведения со стороны относительно независимого типа удовольствий и страданий, то симпатические переживания, конечно, являются таким типом. Они поддерживают те «законы и правила», которые требуют не причинять вред другому человеку и оказывать ему помощь в нужде. В перечислениях особых типов удовольствий и страданий, особых видов чувствительности, особых мотивов и расположений они неизменно обнаруживаются рядом с удовольствиями (страданиями) репутации или любовью к ней, а также с удовольствиями (страданиями) благочестия или «благочестивой ревностью». Не случайно обсуждаемый случай отождествления «мотива благосклонности» и «страданий симпатии» с одной из санкций Бентам сопровождает отсылкой к главе «Удовольствия и страдания».

Несколько более неожиданным является причисление этой санкции к числу физических. Здесь явно имеет место такая интерпретация физической санкции, которая существенно расходится с ее описанием из третьей главы трактата. «Силы природы», если и задействованы, носят не физический, а психический характер. Источник страдания агента (причинение им самим страданий другому человеку) мало похож на неблагоразумие, которое проявляет тот, кто навлекает на себя «физические бедствия» (например, «небрежно обращается со свечкой» и в результате «сжигает себя») [2. С. 36]. Однако, с другой стороны, в случае «симпатических страданий» отсутствует намеренное причинение страдания нарушителю. И в этом санкция, действительно, похожа на физическую. В более поздних текстах Бентам будет акцентировать не сходства, а различия, и мы увидим появление в его типологии нового вида санкций.

Теория санкций в «Деонтологии»

а) обновленная типология

В «Деонтологии» Бентам пытается построить обновленную, развернутую типологию санкций, используя разные критерии. Он разграничивает санкции, служащие побуждением к позитивному действию, и санкции-рестрикции, ведущие к отказу агента от действия, к которому подталкивают иные мотивы. Другое важное разграничение — санкции болезненные («наказующие»)

и санкции приятные («вознаграждающие»). Бентам подчеркивает ведущую роль в нормативной регуляции поведения санкций первого рода.

В отношении источника санкций Бентам проводит целую серию дихотомических делений. Санкции подразделяются им на физические и волевые (предполагающие вмешательство чувствующего и разумного агента). Волевые — подразделяются на те, которые являются результатом вмешательства единственного известного нам чувствующего и разумного вида — человека («человеческие», «волевые и естественные»), и те, которые обеспечиваются никогда не наблюдавшимся нами разумным существом («сверхчеловеческие», «сверхъестественные», «религиозные»).

Среди «человеческих» санкций Бентам выделяет те, которые вытекают из воли официальных лиц, «вооруженных соответствующей долей правительственной власти», и те, которые опираются на волю индивидов, предоставленных самим себе (первые он называет «политическими», вторые — «неполитическими»). «Политические санкции» подразделяются на налагаемые судебной властью («судебные», или «правовые») и другими ветвями политической власти («административные»).

«Неполитические санкции» включают две ниши: действующие коллективно и действующие индивидуально. В первом случае удовольствие или страдание исходят от человека, который рассматривает себя как член сообщества и воспринимается в этом качестве (входит в число людей, которые судят и действуют сообща). Такова нравственная, или общественная, санкция. Во втором случае источником удовольствия и страдания служит отдельный человек. Он может доставлять удовольствие или причинять страдание другому либо в ответ на те действия другого, которые доставили удовольствие или причинили страдание ему самому, либо без такого основания. Если перед нами первый случай, то это «ретрибутивная санкция», а если второй, то «симпатическая» или «антипатическая». Таков наиболее прозрачный и развернутый вариант типологии и ее оснований [З. Р. 175—177]. В виде простого перечисления та же типология санкций по источнику присутствует в письме Бентама Этьену Дюмону 1821 г. (семь основных ниш, симпатические и антипатические выделены в самостоятельные санкции, политическая ниша недифференцирована) [15. Р. 69].

Разные фрагменты «Деонтологии» позволяют точнее представить главные дополнения к системе санкций, присутствующей во «Введении...»: симпатические и ретрибутивные. Под первыми Бентам подразумевает чувствительность агента «к последствиям, произведенным его поведением на состояние аффектов в... дружественной груди» [З. Р. 199]. Если агент получает удовольствие от созерцания удовольствия другого человека или испытывает страдание от созерцания его страдания, то стремление к такому удовольствию или стремление избежать такого страдания подталкивают агента к тому, чтобы не причинять другим вред и помогать им в нужде (демонстрировать честность (probity) и благодетельность (beneficence)). Этот механизм на

примере «страданий симпатии» был обрисован уже во «Введении...». Бентам воспроизводит его и в «Деонтологии». Однако нарисованную Бентамом картину усложняют два обстоятельства. Во-первых, то, что «страдания симпатии» агента могут быть порождены не непосредственными страданиями других людей, а испытываемыми ими «страданиями симпатии». Причем источником таких страданий может быть и сам агент. Бентам в связи с этим упоминает страдания пьяницы из-за того, что его близкие страдают, зная о его бесчестье [3. Р. 199]. Во-вторых, то, что симпатические переживания ведут не только к доставлению другому человеку удовольствия или предотвращению его страданий, но и к причинению страданий — отсюда формулировка «антипатическая санкция». Она связана с негодованием по отношению к нарушителю, которое испытывают те, кто не являются жертвами нарушения (дополнительно о симпатических санкциях см.: [15]).

Ретрибутивная санкция обсуждается Бентамом среди мотивов, поддерживающих благодетельное поведение, наряду с общественной, или нравственной, и симпатической. Здесь она тождественна «шансу получить вознаграждение из рук того, кому ты принес выгоду». При этом Бентам подчеркивает непредсказуемость будущих ситуаций, где такая взаимность может оказаться полезной, что устраняет значение неравных социальных позиций участников взаимных отношений [3. Р. 182]. Сочетание слов «ретрибутивная санкция» встречается также в фрагментах «Деонтологии» об общей классификации действий, действиях, раздражающих других людей, требованиях к человеку, который участвует в применении разных санкций. Однако здесь речь идет уже об ответном ущербе.

б) отклонения от обновленной типологии

Однако нельзя сказать, что Бентам использует свою обновленную развернутую типологию последовательно. В «Деонтологии» есть фрагменты, где санкций, как и во «Введении...», всего четыре [3. Р. 152]. Встречаются перечисления, включающие симпатическую, но исключают ретрибутивную санкцию [3. Р. 151]. Но, что еще более примечательно, в трактате присутствуют пассажи, которые полностью спутывают словоупотребление, заданное развернутой типологией.

Вот наиболее яркие примеры: «Предположим, что кто-то, подталкиваемый своей злой волей, собирается нанести удар другому человеку, с которым он в ссоре. В той мере, в какой он удерживается страхом ответного удара, будь то со стороны самого третьего лица или же его друга или компаньона, удерживающую силу следует отнести именно к физической санкции. То же самое касается ущерба или предполагаемого ущерба другого рода: ущерба личности, репутации, собственности и положению в жизни» [3. Р. 197—198]. «Агент [причиняющий ущерб] должен предвидеть, что, будь то в порядке защиты... или в порядке воздаяния, или одновременно в том и другом порядке, он может понести от реципиента такой же или какой-то другой ущерб. Ограничение или сдержка, создаваемая этим страхом, есть ограничение или

сдержка, которая носит характер физической санкции» [3. Р. 200]. «В течение этого периода [ранних этапов становления цивилизации — А.П.]... физическая санкция является единственной, которая сдерживает склонность, порожденную перспективой и желанием непосредственного удовольствия или избавления от непосредственного страдания... Причинение ущерба другим находит свое первое ограничение в страхе будущего возмездия и воздаяния, которые являются естественными следствиями негодования» [3. Р. 202].

В этих пассажах классификация разрушается по следующим направлениям. А. Намеренные действия агента, отвечающие на неблагоприятное воздействие со стороны другого человека, отнесены Бентамом к физической санкции, которая по определению не предполагает участия разумной воли. Б. Перед нами как будто бы одна санкция, названная в тексте «физической», но в свете обновленной типологии она включает в себя несколько: воздаяние со стороны жертвы относится к ретрибутивной, воздаяние со стороны «друзей и компаньонов» — к симпатической, или вернее, антипатической, возмездный ущерб репутации — к нравственной. В. Внутри «физической» санкции возникает особая ниша индивидуально осуществляемых санкций, которые не тождественны ни симпатическим (антипатическим), ни ретрибутивным: причинение вреда «в порядке защиты», а не воздаяния. Его можно было бы назвать «оборонительной» санкцией.

Эти отклонения от типологии, на мой взгляд, связаны с тем, что Бентам пытается учесть те свойства санкций, которые находятся за пределами ограниченного ряда ее оснований. Например, рассматривая воздаяние со стороны самой жертвы нарушения или сочувствующих ей людей как проявление физической санкции, он акцентирует не отсутствие волевого фактора (как в случае причисления к физическим санкциям «страданий симпатии» во «Введении...»), а наличие физического воздействия на нарушителя. Это, конечно, никак не соотносится с определением физической санкции, если, конечно, оставить в стороне сомнительное предположение, что Бентам рассматривает действия, спровоцированные негодованием, в качестве сугубо рефлекторных. Однако сам факт присутствия или отсутствия физического воздействия на нарушителя важен для этической теории. И мог бы рассматриваться как отдельное основание для подразделения санкций. Не случайно ненасильственные, нравственные и симпатические, санкции у Бентама а) приобретают максимальную силу на высших стадиях цивилизации и б) выступают как средство восполнения недостатков силовых, политических и физических [3. Р. 198].

в) санкции и задачи деонтолога

Во «Введении...» тема санкций рассматривалась Бентамом в связи с задачами законодателя: знание всего набора санкций помогает законодателю выбрать оптимальный вариант функционирования санкций политических. В «Деонтологии» Бентам ставит другую цель, в центре его внимания нахо-

дится не законодатель, а моралист-деонтолог, обращающийся к своей аудитории с рассуждением, которое должно способствовать повсеместному осознанному исполнению принципа полезности. Отсюда первая задача деонтолога — показать людям, которые нерелексивно и спонтанно преследуют свой собственный интерес, что сообразное с моральными требованиями поведение не противоречит этому интересу, а соответствует ему. Нормосообразное поведение является выгодным именно потому, что тот, кто соблюдает норму, избегает наказующих санкций и попадает под благотворное действие вознаграждающих.

Раскрытие своей аудитории разных, часто неочевидных, аспектов разных, часто трудноразличимых, санкций — это существенная часть воспитательной работы деонтолога. Последний помогает своему читателю провести точный расчет удовольствий и страданий, порожденных той или иной практикой. И если практика противоречит или, наоборот, соответствует какому-то моральному требованию, то в этот расчет должны быть введены подчас упускаемые из вида страдания и удовольствия, связанные с санкциями. В случае деонтологии, обращенной на самого агента, речь идет об установлении правильного баланса его будущих и нынешних удовольствий и страданий. В случае деонтологии, обращенной вовне, речь идет об учете всех точек, в которых интерес агента совпадает с интересом других людей. В этой связи Бентам на примере употребления «опьяняющих жидкостей» показывает, как совокупно работает вся система санкций, поддерживающих добродетель благоразумия, а на примере нанесения удара другому человеку «кулаком или острым инструментом» — как та же система поддерживает добродетель честности [3. Р. 177, 199, 200].

Однако деонтолог не только «указывает» своей аудитории на неочевидные формы действия и взаимодействия санкций, способствуя тем самым индивидуальному и общественному счастью. Параллельно он содействует изменению этой системы в сторону большего соответствия принципу полезности (в том числе в сторону более эффективного ограничения узко понятого личного интереса).

Могло бы показаться, что изменять санкции способен только законодатель, в руках которого находится правительственная власть, свободно задающая форму правового наказания и обеспечивающая его действенность. Однако Бентам уверен, что и деонтолог наделен в этом отношении значительными возможностями. Эти возможности, по мнению Бентама, связаны с нравственными, или общественными, санкциями. Общественное мнение, на которое те опираются, Бентам воспринимает как своего рода трибунал, совет и одновременно законодательную ассамблею, в которые входят все те, кто имеет привычку высказывать свое суждение о других людях (подробнее о различных коннотациях понятия «трибунал общественного мнения», о его политической роли, о соотносительности с юридическим законом см: [8. Р. 267—282; 16]). Деонтолог выступает как такой член этого органа,

который постоянно выдвигает законодательные инициативы по острым вопросам, а его читатели поддерживают их и затем принимают индивидуальные решения на их основе. Для обозначения этой роли деонтолога Бентам использует формулировку «самоучрежденный законодатель общественных, или нравственных, санкций» [З. Р. 206].

Исполнение функции «законодателя общественных, или нравственных, санкций» накладывает на деонтолога большую ответственность, причем ситуация усложняется тем, что в отличие от реальной ассамблеи, никто не может на месте учесть его в ошибках и противоречиях, а также тем, что политические санкции (со всей их безжалостной мощью) часто следуют за изменяющимся общественным мнением.

Деятельность деонтолога встроена Бентамом в исторический нарратив, касающийся действия разных санкций. Физическая санкция (в межличностных отношениях она представляет собой непосредственное возмездие) действует уже в ранние периоды развития цивилизации. К ней в определенный момент присоединяется санкция политическая. Симпатическая санкция в ранние периоды истории человечества очень слаба, но постоянно усиливается со временем как в отношении круга тех действий, которые люди готовы совершать из симпатических переживаний, так и круга тех людей, по отношению к которым возникают симпатические переживания. Развитие симпатической санкции сопряжено с усилением санкции общественной, или нравственной: у того, кто узнает о поступках, продиктованных симпатией, или оказывается их реципиентом, появляется желание ответить совершившему их агенту тем же. А «самый дешевый» способ такого «воздаяния» состоит в том, чтобы обратить на агента силу общественной, или нравственной, санкции (то есть его похвалить).

Таким образом, благодетельные и честные поступки становятся предметом одобрения. Однако и симпатия, и общественное одобрение могут отклоняться от пользы индивидов и сообщества или же концентрироваться исключительно на явных и близких ее проявлениях, теряя из виду дальние [З. Р. 202 — 205]. Именно поэтому обществу необходим деонтолог, но он нужен лишь тому обществу, которое серьезно продвинулось в развитии системы санкций.

Заключение

Теория санкций Бентама вписана в процесс, который внес существенный вклад в развитие всех дисциплин, изучающих мораль, в том числе в развитие этики. Я имею в виду процесс уточнения границ и способов взаимодействия между такими регуляторами человеческого поведения, как право, обычай и мораль. В этике он выражался в виде исследования специфики моральных (нравственных) санкций. Однако определить такую специфику невозможно, не соотнося их с другими санкциями. Под санкциями во всем блоке дисциплин, изучающих нормативное регулирование поведения, понимаются

позитивные последствия соблюдения и негативные последствия нарушения нормы, которые подталкивают агентов к совершению нормосообразных действий. Последствия касаются агента, который нарушает или соблюдает норму, а стимулирующий или сдерживающий эффект распространяется как на него самого, так и на других людей. Последствия, конституирующие санкцию, не спонтанны, а намеренно созданы в связи с нарушением или соблюдением нормы. Те, кто создают их, делают это на основе соображений заслуги или сдерживания.

В истории исследования морали есть две традиции понимания моральной (нравственной) санкции. В рамках первой она представляет собой воздействие на агента со стороны окружающих его людей, состоящее в демонстрации осуждения или одобрения его мотивов и поступков [1. С. 457—459]. В поздних версиях этой традиции собственно моральной (нравственной) санкцией в случае нарушения нормы является не простое психологическое неудобство агента, порожденное необходимостью жить среди людей, которые его осуждают, а, хотя бы частичное и неохотное, признание им оправданности осуждения [1. С. 459—460]. Вторая традиция вводит в число моральных (нравственных) санкций негативные переживания нарушителя, не спровоцированные осуждением окружающих, а являющиеся следствием самоосуждения: чувство вины, угрызения совести и т.д. Именно их данная традиция рассматривает в качестве образцовой моральной (нравственной) санкции, которая в соответствии со спецификой феномена морали должна быть внутренней и автономной [1. С. 462—466].

При беглом и поверхностном взгляде бентамовская теория санкций выглядит как теория, принадлежащая к первой традиции, а исторически — как одна из первых таких теорий. Нравственная санкция не даром именуется Бентамом еще и общественной. Нарушитель нормы подвергается суду общественного мнения и давлению с его стороны. Те, кто осуждают нарушителя, воспринимают себя как представители сообщества и обладатели объективных и универсальных представлений о правильном и неправильном, добродетельном и порочном, обязательном и недопустимом. Более того, бентамовская нравственная санкция имеет очевидную материальную составляющую, а в некоторых фрагментах его трудов включает в себя даже причинение ущерба нарушителю.

Однако дополненная типология включает и внутреннюю санкцию. Я имею в виду санкцию симпатическую. Особенно ярок в этом отношении тот случай, когда «страдания симпатии» настигают именно того, кто причинил вред другому. Внутренними могут стать и «антипатические санкции», если агент, причинивший вред другому, обратит их на самого себя (случай, не упоминаемый Бентамом, но вполне возможный и самый близкий к чувству вины). Поздний Бентам не называет внутренние санкции нравственными, но создает более полную линейку санкций, внутри которой границы между

нравственными и всеми остальными могут быть проведены по-другому. Другие классические утилитаристы сделают именно это, положив начало второй традиции понимания нравственных санкций.

Среди обсуждающихся в этике проблем, порожденных опорой морального регулирования на внешнюю санкцию — санкцию общественного осуждения, три являются наиболее важными: проблема малой эффективности такой санкции, проблема легкости ее уклонения от морального идеала или ядра моральных ценностей, проблема потери автономии морального субъекта. Первые две Бентам обсуждает прямо. Он указывает на источники неэффективности, но считает, что в цивилизованном обществе их действие скомпенсировано. Он фиксирует возможность уклонения вердиктов «трибунала общественного мнения» от принципа полезности, но видит и механизмы, приводящие их в соответствие с ним (это и взаимодействие нравственных санкций с симпатическими, и деятельность моралистов-деонтологов). Что же касается третьей проблемы то сама концепция морали Бентама, или вернее, само его представление о способах реализации принципа полезности в жизни общества, исключает придание какой-то ценности автономному характеру морального выбора, а значит и признание его отсутствие потерей.

Список литературы / References

- [1] Прокофьев А.В. Моральные санкции: две традиции понимания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 2. С. 454—469. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-2-454-469>
Prokofyev AV. Moral sanctions: two traditions of understanding. *RUDN Journal of Philosophy*. 2022;26(2):454—469. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-2-454-469>
- [2] Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М. : РОССПЭН, 1998.
Bentham J. *An introduction to the principles of morals and legislation*. Moscow: ROSSPEN publ.; 1998. (In Russian).
- [3] Bentham J. *Deontology, together with A table of the springs of action and The article on utilitarianism*. Oxford: Clarendon Press; 2002.
- [4] Harrison R. The sanctions of utilitarianism. *Proceedings of the British academy*, 2001;(109):93—116.
- [5] Crisp R. Sanctions in Bentham, Mill, and Sidgwick. *Proceedings of the British academy*. 2001;(109):117—122.
- [6] Schoefield P. *Utility and democracy: The political thought of Jeremy Bentham*. Oxford: Oxford University Press; 2006.
- [7] Tarantino P. *Philosophy, obligation and the law: Bentham's ontology of normativity*. London, New York: Routledge; 2018.
- [8] Postema GJ. *Utility, publicity, and law: Essays on Bentham's moral and legal philosophy*. Oxford: Oxford University Press; 2019.
- [9] Crisp R. *Sacrifice regained: Morality and self-interest in British moral philosophy from Hobbes to Bentham*. Oxford: Clarendon Press; 2019.
- [10] Crimmins JE. *Utilitarian philosophy and politics: Bentham's later years*. London: Continuum; 2011.

- [11] Bentham J. *An Introduction to the principles of morals and legislation*. London: Athlone Press; 1970.
- [12] *Аристотель*. Никомахова этика // Сочинения в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 53—294.
Aristotle. *Nicomachean Ethics*. In: *Complete Works in 4 vols*. Vol. 4. Moscow: Mysl publ.; 1984. P. 53—293. (In Russian).
- [13] Harrison R. Bentham. London: Routledge and Kegan Paul; 1999.
- [14] Quinn M. *Popular prejudices, real pains: What is the legislator to do when the people err in assigning mischief?* In: Zhai X, Quinn M, editors. *Bentham's theory of law and public opinion*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. P. 63—90.
- [15] Goldworth A. The sympathetic sanction and sinister interest in Bentham's utilitarianism. *History of Philosophy Quarterly*. 1987;4(1):67—78.
- [16] Lieberman D. Economy and polity in Bentham's science of legislation. Bentham. Rosen F, editor. New York: Routledge; 2018. P. 31—62.

Сведения об авторе:

Прокофьев Андрей Вячеславович — доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник сектора этики, Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия (e-mail: avprok2006@mail.ru). ORCID: 0000-0001-5015-8226

About the author:

Prokofyev Andrey V. — PhD in Philosophy, Associate Professor, Chief Researcher, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (e-mail: avprok2006@mail.ru). ORCID: 0000-0001-5015-8226